

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК СУБЪЕКТ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ И САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Н.А. Варова

Омский государственный
педагогический университет

Статья посвящена выявлению различий в представлениях об интеллигенции в статьях российских сборников: «Вехи» (1909) и «Интеллигенция в России» (1910). Охарактеризованы две исследовательские установки, обусловившие расхождение в понимании значения и роли интеллигенции в духовном производстве и общественной жизни в целом.

Ключевые слова: интеллигенция, образы интеллигенции, роль интеллигенции, духовное производство, тип мышления, исследовательские установки.

Объектом исследования в данной статье является интеллигенция как субъект духовной жизни, предметом – характеристики интеллигенции, изложенные в двух сборниках статей, изданных в России в первой трети XX в.: «Вехи» (Москва, 1909)¹ и «Интеллигенция в России» (Санкт-Петербург, 1910)². Появление сборников стало заметным событием в общественной жизни России в период

¹ Сборник «Вехи» включает статьи: Н.А. Бердяев «Философская истина и интеллигентская правда»; С.Н. Булгаков «Героизм и подвижничество»; М.О. Гершензон «Творческое самосознание»; Б.А. Кистяковский «В защиту права»; П.Б. Струве «Интеллигенция и революция»; С.Л. Франк «Этика нигилизма»; А.С. Изгоев «Об интеллигентской молодежи».

² Сборник «Интеллигенция в России» включает статьи: И.И. Петрункевич «Интеллигенция и “Вехи” (Вместо предисловия)»; К.К. Арсеньев «Пути и приемы покаяния»; Н.А. Гредескул «Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл»; М.М. Ковалевский «Взаимоотношение свободы и общественной солидарности (глава из истории прогресса)»; П.Н. Милуков «Интеллигенция и историческая традиция»; Д.Н. Овсянников-Куликовский «Психология русской интеллигенции»; М.А. Славинский «Русская интеллигенция и национальный вопрос»; М.И. Туган-Барановский «Интеллигенция и социализм».

между двумя русскими революциями 1905 и 1917 гг. В каждом из них идет речь об особенностях интеллигенции как социальной группы, о ее роли в истории, о содержании ее мировоззрения. Отличия в образах интеллигенции позволяют говорить о диаметрально противоположном понимании интеллигенции у авторов разных сборников. Цель исследования: определить общее и особенное в представлениях об интеллигенции различных авторов; выявить исследовательские установки, на основе которых были получены разные образы интеллигенции.

Прежде чем выявлять различия, составим обобщенную предварительную характеристику интеллигента по текстам обоих сборников.

Обобщенная характеристика интеллигента

Интеллигент – это человек, включенный в процесс духовной жизни. Существование и развитие духовного производства предполагает наличие различных субъектов: творцов, потребителей,

экспертов, хранителей, распространителей. Условия принадлежности к духовному производству – хотя бы минимальный уровень образования и умственная активность, которая проявляется в широком диапазоне: от очень высокой степени у творца до очень слабой – у потребителя. Однако и во втором случае это именно активность – работа индивидуального ума. Интеллигенция – это носители и творцы передовых идей. В западной культуре благодаря уровню развития цивилизации, рациональным формам организации жизни и деятельности гражданского общества идеи интеллигенции достаточно легко принимаются и распространяются. В России идеи интеллигенции непосредственно связаны не с реалиями общественной жизни, а с представлениями об идеальном устройстве общества. Интеллигент не столько стремится преобразовать существующую реальность, сколько привнести в сегодняшний день реальность будущего. Поэтому между идеями интеллигенции и практиками жизни существует большой зазор. Существование интеллигента проявляет сущностную форму не инженера, преобразователя, модернизатора окружающей действительности, а идеолога, служителя идей. Эти идеи, будучи оторваны от практик жизни и в силу неразвитости информационной инфраструктуры, могут дойти до определенных слоев общества только в результате применения специальных усилий (например, «хождения в народ» народников в 70-е гг. XIX в.). Интеллигент – это враг рутины и застоя, искатель новой правды. Интеллигент – это маргинал, порвавший со своими корнями, отрицающий традиционные формы общественной жизни.

Теперь рассмотрим различия в понимании интеллигенции авторами сборников «Вехи» и «Интеллигенция в России».

Различия в понимании интеллигенции

Авторы «Вех» призывают остановиться на пути прогресса, который делается людьми по своему собственному разумению, и оглядеться. Посмотреть не только вокруг, но и внутрь себя и там найти ответы на многие вопросы. Без понимания того, что уже есть, что представляет из себя ситуация сейчас, не получится реального продвижения общества по пути совершенствования. Н.А. Гредескул в словах С.Н. Булгакова о «духовном самообнаружении интеллигенции во время революции» видит только логическую ошибку – *circulus vitiosus* (порочный круг), когда русская революция характеризуется в зависимости от свойств русской интеллигенции, а русская интеллигенция характеризуется свойствами русской революции³. Однако революционная ситуация во всем ее развитии и последствиях рассматривается «веховцами» как «духовное зеркало», благодаря которому открывается бесконечная перспектива духа, но ступить в это пространство можно только с помощью самостоятельных индивидуальных усилий, и движение в духе не совпадает с движением прогресса. Прогресс общества, хотя инициируется индивидуальными усилиями отдельных личностей, приводит к пассивному перемещению в новую, соответствующую очередному этапу истории, духовную ситуацию всего общества, а движение в духе не может быть пассивным в принципе. Могут

³ См.: Гредескул Н.А. Перелом русской интеллигенции // Анти-Вехи. – М.: Астрель, 2007. – С. 41.

поменяться «декорации»: человек формируется в обществе магического мировоззрения, религиозной доктрины, механической или синергетической научной картины мира и т. п., но без самостоятельных усилий духовное движение невозможно. Исторический прогресс измеряется объективным временем в рамках существования человеческого общества. Движение в духе характеризуется субъективным временем и содержит бесконечность в мгновении.

Для авторов «Вех» открытие в себе духовной перспективы и сосредоточенность на ней – это качественное преобразование индивидуальностей, без которого не может быть продвижения вперед и всего общества. Для их оппонентов обращение внутрь себя в исторический послереволюционный момент, когда в обществе происходит сильная правая реакция, является призывом реакционным, в то время как необходимо стремиться противостоять правому движению и продолжать двигаться влево к тем же революционным целям.

Тексты «Вех» имплицитно содержат в себе понятие закона, порядка, которые являются основой любого общества. Революция и интеллигенция, по мнению «веховцев», инициировавшая революционные действия народа, вместо ожидаемой модернизации конкретного содержания проявленной формы закона, абсолютного по своей сущности, обратилась в полное беззаконие. Это и обуславливает крайне негативную оценку момента. До революции в существующем порядке (как конкретно-историческом содержании проявленной формы безусловного закона) сомневались, видели его несовершенство, критиковали, размышляли о направлениях преобразования и призывали к модер-

низации. После революции, которая приняла стихийный массовый характер беззакония, старый порядок при всем своем несовершенстве, будучи конкретным порядком, оказался оправданным своей связью с безусловным абсолютным законом. Такая перемена взгляда у «веховцев» и обусловила отношение к ним общественности, не занимающейся рефлексией, как к ретроградам и предателям.

«Веховцы» предлагают остановиться, поскольку увидели в зеркале революции (русского освободительного движения) разнородность социального образования «интеллигенции», ее двойственный характер, разнонаправленность, а значит, отсутствие истины и бессилие. Индивиды, подпадающие в общественном сознании под определение интеллигента, характеризуются противоположными чертами нравственной чистоты и скверны, корысти и бескорыстности. Интеллигент – это и страдающий мученик, и максималист, и бессребреник и экспроприатор. Насущной стала задача разобраться, что же такое интеллигенция, отделить сущность от вариативного проявления, охарактеризовать типаж и самим определиться относительно этих типажей. Тот, кто хочет помочь другому (народу), не может быть неразборчив в самом себе (интеллигенция). Здравый смысл народа противится отсутствию здравого смысла у неопределившейся интеллигенции. В результате массы отворачиваются от нее.

Спорящие с «Вехами» авторы сборника «Интеллигенция в России» основываются на логике, согласно которой всякое размышление и действие, проявляющее (а не скрывающее) истину, имеет однозначный смысл и определенное направление. Человеческие идеи и действия являются дей-

ствительными и истинными и как таковые служат продвижению к абсолютной правде в единстве материального и идеального аспектов. Смысл в сознании и тем более смысл изреченный не могут не быть конструктивными, поступательными движениями в определенном направлении, обеспечивающем прогресс.

Тексты сборника «Интеллигенция в России» – это голос представителей класса интеллектуалов-профессионалов, которые осознают невозможность прогресса без развития материального и духовного производства в их единстве, без достижений в науке и искусстве, без развития соответствующего мировоззрения как части общественного сознания, которые стремятся осознать свое место в общественной жизни и аргументированно продемонстрировать другим собственную значимость в просвещенном обществе и историческом прогрессе.

Тексты «Вех» – это голос «наблюдателя», совершающего путешествие во вневременную актуальную бесконечность. Этот «наблюдатель» имеет развитое представление об обществе, частью которого он является, о социальных статусах и ролях, о своей принадлежности к определенному социальному типу. Теоретическая разработка этого типа выявляет его динамическую природу – тип эволюционирует в ходе исторического развития, сохраняя некоторые сущностные черты, но и приобретая новые. Однако основной интерес «наблюдателя» – понять смысл происходящего в настоящий исторический момент с точки зрения индивидуальности, которая стоит на краю актуальной бесконечности и имеет опыт вневременных путешествий в метафизическом пространстве. Путешествие во внутреннее пространство требу-

ет прежде всего остановки в историческом пространстве-времени. Для того чтобы понять, что мы уже сделали, необходимо на какое-то время перестать делать. Только осознав сделанное, то, что уже получилось, мы можем совершать сознательный выбор и действие.

Выделим общие значимые утверждения авторов сборника «Интеллигенция в России» об идеях сборника «Вехи»⁴

Появление сборника рассматривается исключительно как событие политической жизни. Н.А. Гредескул ищет причины «великой политической «сенсации»⁵. П.Н. Милюков констатирует: «Как бы ни смотрели на поднятые ими вопросы сами авторы «Вех», спорить с ними по существу – значит именно спорить на почве формулированных ими политических обвинений»⁶.

Авторы «Вех» поступили безответственно, обличая интеллигенцию, поскольку они не предлагают убедительного нового решения, правды, «благой вести», более того, у них ее нет.

По мнению авторов «Интеллигенция в России», изложение любого факта должно сопровождаться правильным комментарием. Изложение очевидного без правильного осмысления и объяснения превращает фиксирование факта в величину отрица-

⁴ Содержание текстов сборника «Вехи» проанализировано нами в статье: Варова Н.А. «Веховский» интеллигент как прототип массового человека // Вестник Омского университета. Серия «Социология». – 2010. – № 1/ 2. – Омск: Изд-во ОмГУ. – С. 90–100.

⁵ Гредескул Н.А. Перелом русской интеллигенции // Анти-Вехи. – М.: Астрель, 2007. – С. 39.

⁶ Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Анти-Вехи. – М.: Астрель, 2007. – С. 112.

тельную. Такая критическая позиция говорит о совершенном недоверии к читающей русскоязычной общественности, которая лишается свободы самостоятельной оценки, нуждается в знающем «как лучше» поводе, что найдет свое развитие при тоталитарных режимах XX в.

«Вехи» критикуют и обличают, призывают покаяться (другими словами, остановиться) единственную социальную силу, двигающую российское общество по пути прогресса, в этом их реакционная роль.

Интеллигенция является реальной силой обновления общества и государства, и это ставит ее в положение неприкасаемой, возможно было (по мнению Арсеньева⁷) поставить вопрос о способах обновления и отношениях к ним в интеллигентской среде – это придало бы размышлениям авторов «Вех» безусловную значимость и практическую пользу.

«Веховцы» сами являются частью интеллигентской традиции, в них самих, по крайней мере в их словах, те же «грехи», которые они обличают в молодом поколении. Реакция авторов второго сборника выглядит как реакция на нарушение границ корпоративной культуры производителей идей, а значит, они должны быть заклеены и изгнаны из «цеха», класса, сообщества интеллигентов.

В критическом пафосе статей можно усмотреть деление понятия «интеллигент» на «правильного интеллигента» и «неправильного интеллигента». Правильный интеллигент – тот, кто вооружен передовой теорией, не сомневается, а идет вперед и приближает светлое будущее для народа. Неправильный интеллигент – тот, кто со-

мневается (сомневается и в теории, и в практике) или даже только призывает усомниться, он перестает двигаться вперед, т. е. предает общую и благую цель.

Интеллигент «правильный» абсолютно уверен в своем понимании социально-должного и социально-неизбежного и сознательно приносит себя в жертву ради будущего блага народа (который пока ничего не понимает) «с поразительным мужеством, с торжеством и ликованием»⁸. Только в начале XX в. русское освободительное движение приобрело, наконец, реальную форму, и в этом заслуга интеллигенции. Переход от только слов к делам и составляет сущность перелома, кризиса интеллигенции. Для успеха социальных преобразований бессмысленно критиковать реальные формы и результаты «освободительного движения», нужно развить «желательное правильное представление» (Гредескул) о русском освободительном движении в российском обществе.

Нельзя взваливать всю вину за исход русского освободительного движения на интеллигенцию, поскольку в освободительное движение включился стихийно весь народ: рабочий класс и крестьяне, обыватели, студенты. Призывы интеллигенции к активным действиям – только одна из причин. Например, другая, не менее важная причина, всколыхнувшая народное самосознание и достоинство и вызвавшая страх за свою судьбу, если ничего не изменится в государстве, – поражение в русско-японской войне. Нельзя часть общества обвинять за то, что совершило большинство (народная масса). Революция носила не «интеллигентский», а истинно «народный» характер. Идеи интелли-

⁷ См.: Арсеньев К.К. Пути и приемы покаяния // Анти-Вехи. – М.: Астрель, 2007. – С. 23.

⁸ Гредескул Н.А. Перелом русской интеллигенции // Анти-Вехи. – М.: Астрель, 2007. – С. 37.

генции в основании имеют культуру народа: атеизм – ритуализм массы, слабость правовой идеи – бесправие и анархизм народа.

«Веховцы» сосредоточили внимание на индивидуальной ответственности личности перед лицом истории. Их критики провозглашают народ подлинным творцом истории, «главным строителем и главным деятелем русской государственности» (Гредескул)⁹. В ходе революции не интеллигенция способствовала падению народа, а народ осознал и свой долг перед родиной, и свою ответственность за ее судьбы. «Подданные» превратились в «граждан». Только теперь духовно родилась нация.

У настоящего интеллигента ясный и трезвый ум должен вырабатывать новые правильные идеи и направляться ими, контролировать настроение, подчинять чувства. «Веховцы» демонстрируют победу настроения, переживания над умом.

Если интеллигент-идеолог (термин из статьи Д.Н. Овсяннико-Куликовского) опирается на передовые научные открытия и критическую философию (немецкую идеалистическую философию), в основу онтологической картины и гносеологического метода он кладет принцип развития; развитие идей в сознании человека и преобразование на их основе действительности он считает объективной закономерностью бытия. Если в свою идеологию интеллигент включает догматические религиозные или политически ангажированные смыслы, то тем самым он ограничивает развитие теории определенным кругом идей, а значит, делает невозможным понимание сути происходящих процессов, лишает себя возможности конструктивного прогнозирования и оценки происходящих событий. Обращение «веховцев» к религиозным смыс-

лам предопределяет непродуктивность их теорий, бессмысленность размышлений и неуместность выводов.

Итак, представления об интеллигенции как о главном субъекте духовного производства у авторов сборников совпадают. Хотя внутри социальной группы интеллигенции существуют большие различия, но в обязательном порядке для любого представителя характерна образованность и включенность в процесс духовного производства (и здесь уже в разной степени в качестве творцов, экспертов, распространителей, потребителей). Объективность дифференциации внутри группы создала условия для критики: по мнению авторов сборника «Интеллигенция в России», «веховцы» взяли исторически обусловленные новые черты поведения отдельных представителей интеллигенции и представили их как сущностные черты интеллигенции в целом. Однако, как нам представляется, дело не в логических ошибках или излишней эмоциональности и поспешности. Причина расхождения смысла заложена гораздо глубже – в направленности мысли, в исследовательских установках, задающих внутреннюю форму текста.

Итак, внимательно познакомившись с характеристиками интеллигенции, представленными в рассматриваемых работах, можно сделать выводы относительно исследовательских установок, направляющих размышления и определивших их результаты. Авторы «Вех» внимание сосредоточивают на индивидуальности, которая признает необходимость непрестанных усилий по установлению истины и является подлинным субъектом духовной жизни. Авторы «Интеллигенции в России» исходят из существования объективных законов исторического развития и социального взаи-

⁹ Гредескул Н.А. Там же. – С. 57–58.

модействия, знание которых обеспечивает особую роль интеллигенции в историческом развитии.

Обобщенная характеристика исследовательской установки авторов сборника «Вехи» – это позиция философа, который стремится понять себя и собственное место в системе социальных отношений. Самопознание ставится на первое место, рассматривается как условие сознательно-свободного действия. Объективные законы природы или истории не отменяют ответственности отдельной личности за свои поступки. А ответственность базируется на практике рефлексии, это прежде всего ответственность за существование подлинной человеческой свободы, которая конституируется актом свободного осознанного выбора и вне его рамок невозможно. «Стиль» мышления – философско-метафизический, который требует углубленного понимания себя, противостоящего слепому следованию «объективных» законов. Не потому, что этих законов не существует, а потому, что слишком велик шанс неадекватного понимания этих законов человеком. Необходимо каждый раз заново устанавливаться в смысле и функциях своего собственного бытия. Этот стиль мышления подразумевает взаимодополнительность и чередование действия и остановки. Сначала человек совершает какое-то действие (практическое или мысленное) и только затем имеет возможность осмыслить, что же собственно он совершил. Осмысление возможно только в момент остановки по отношению к тому, что уже совершено. А поскольку существование человека непрерывно в рамках жизненного времени, то в следующий момент понимания предмет рефлексии будет измененным и вновь потребует целенаправ-

ленных усилий. Поскольку в таком акте мышления присутствует знание о необходимости постижения целого (я постигаю то, что уже произошло), разбор элементов, из которых это целое сложено, усиление мысли направлено на постижение смысла произошедшего и установление различия в основаниях явлений, представлявшихся тождественными, по отношению к такому мышлению может быть применен термин «деконструктивное».

Обобщенная характеристика исследовательской установки авторов сборника «Интеллигенция в России»: это позиция ученого, который придерживается материалистического подхода к истории, основными субъектами исторического процесса полагает социальные группы, исходит из существования объективных законов исторического развития, которые отличаются от природных, но также могут быть познаны научным разумом. Знание законов позволяет ясно видеть как современное состояние социальных институтов, так и прогнозировать будущее, а главное, на основе теоретических концепций, объясняющих состояние социальных институтов, разрабатывать и осуществлять шаги по преобразованию форм социальной жизни. Это позиция позитивиста, мыслящего линейно и убежденного в достоверности и полезности научного знания. «Стиль» мышления – материалистический, позитивистский, соответствующий традициям классической социологии. В этом акте мышления присутствует знание объективных законов развития общества и убежденность в правильности их понимания, идея исторического прогресса как развития от простого к сложному, от менее справедливого к более справедливому, видение человека как существа деятельностного, способного

не только к постижению законов, но и к преобразованию социальных отношений на основе научных представлений. Такое мышление возможно определить как «диалектическое».

Первая установка соответствует подлинному творцу новых форм культуры, который совершает усилия мысли ради подлинного понимания и реализации свободы, не может не заниматься сборкой мира в единое целое вокруг себя как центра. Второй тип разрабатывает нормативную систему представлений, т. е. опирается на законы и принципы, которые признаны современным научным сообществом как истинные. Такая мыслительная деятельность требует специаль-

ной подготовки, ее осуществляют специалисты, профессионалы, технократы. Опасность такого подхода к мыслительной деятельности в том, что, ставя перед собой «правильные» идеологические задачи, можно «забыть» совершать действия по перепроверке результатов на соответствие действительности. Для развития культуры существует необходимость в развитии обоих этих типов исследовательских установок

Литература

- Анти-Вехи* / Вступ. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2007. – 640 с.
Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910 / сост., коммент. Н. Казаковой; предисл. В. Шелохаева. – М.: Мол. Гвардия, 1991. – 462 с.